

СЕРДЦЕ РОССИИ

Глеб Райгородецкий

Что готовит будущее для амурского тигра и охраняемых территорий в бывшем Советском Союзе?

Как в языческом ритуале Джон Гудрич наклоняется к дереву рядом с тропой, петляющей сквозь тайгу. Мы находимся на южной границе Сихотэ-Алинского заповедника – строго охраняемой территории в Приморье – большом административном районе Дальнего Востока России, который как коготь гигантского тигра отрывает северо-восточный уголок Китая от Японского моря.

Внимание Джона привлекает едва заметное пятно на коре дерева. Он слегка наклоняется и осторожно нюхает его, как будто вдыхает какой-то изысканный аромат. Затем выпрямляется, несколько секунд вглядывается в ствол дерева, затем снова наклоняется и нюхает другое пятно, в 30 см ниже. «Это старая метка, но еще можно уловить ее слабый запах», - говорит Гудрич, отходя в сторону и позволяя мне проверить свой нюх. Слабый мускусный запах кошачьей мочи, смешанный с землистым ароматом древесной коры щекочет мне ноздри. «Тигры метят свою территорию, выпрыскивая мочу на вертикальные предметы, такие как дерево, стоящее рядом с тропой. Метки самцов расположены выше, чем метки самок», - объясняет он. Его полевое снаряжение висит на плечах и на поясе – все, от ножа до перцового спрея и радиотелеметрического оборудования – Гудрич одет в камуфляжные брюки, выцветшую футболку защитного цвета и обувь фирмы Keds®. Стройный и светловолосый, он скорее похож на манекенщика из магазина одежды «Lands' End», чем на ученого. После получения докторской степени в 1995 г. Джон Гудрич работает в Приморском крае в качестве полевого координатора Проекта «Амурский тигр» Общества сохранения диких животных (WCS). Основная деятельность этого проекта сосредоточена в Сихотэ-Алинском биосферном заповеднике, который в 2001 г. был признан объектом Всемирного наследия. Когда в 1936 г. указом российского правительства был создан этот заповедник, на Дальнем Востоке России оставалось всего 30-40 тигров и их число продолжало снижаться. Сегодня жизнеспособная популяция насчитывает 300-400 амба - так удэгейские охотники называют тигра – которые обитают в горах Сихотэ-Алиня и на побережье.

Сегодня выживание кошачьих, а также соболя, сайгака, бобра и других видов животных, которые были объектом чрезмерного промысла в России в начале XX века, зависит в основном от существования заповедников. Заповедники отражают стремления России – их существование приветствовало международные специалисты по охране природы как одно из достижений, доставшихся от бывшего Советского Союза.

Идея создания заповедников принадлежит Григорию Кожевникову, выдающемуся российскому ученому, профессору зоологии беспозвоночных Московского государственного университета. После его визита в США и Германию в 1907 г. он был разочарован концепцией национальных парков – слишком много антропогенного воздействия – и огорчен осознанием того, что природные памятники Германии – это всего лишь небольшие островки среди бескрайних освоенных человеком просторов Западной Европы.

При прямо противоположном подходе Кожевников ставил во главу угла принцип *абсолютной неприкосновенности* обширных нетронутых просторов, которыми в те времена была богата царская Россия. При поддержке других выдающихся русских ученых Кожевников определил заповедники как охраняемые территории, где нетронутый мир природы мог бы существовать по своим законам без вмешательства человека. Это было сродни божественному предписанию – заповеди – добровольно отказаться от возложенного на самого себя звания «царя мира» и уступить безграничной и священной мудрости природы

Эти благородные стремления постепенно увязли в трясине советской индустриализации, коллективизации, разработке природных ресурсов и политике усовершенствования окружающей среды. После 1930-х годов неприкосновенность как основной принцип заповедников исчез из юридических документов, связанных с охраной природы. Идеалы живы до сих пор и передаются по наследству в виде учений и примеров российскими экологами и ревностными последователями философии отцов-основателей.

Были предприняты различные попытки разрушить систему, сначала Сталиным в 1951 г., затем Хрущевым в 1961 г., что привело к десятикратному сокращению площади и количества заповедников.

Система пережила эти потрясения. К моменту распада СССР в 1991 г. в 15 союзных республиках насчитывалось 160 заповедников общей площадью 22,5 млн. га.

Гудрич и я неспешно идем по тропе, на которой последние несколько лет сотрудники WCS и Сихотэ-Алинского заповедника устанавливают ловушки для отлова тигров, которых они изучают с помощью радиотрекинга в рамках долгосрочного проекта. Примерно половина из двух десятков тигров, участки которых полностью или частично расположены на территории заповедника, уже носит радиоошейники. Джон рассказывает, как технический прогресс позволил его команде за 13 лет исследований собрать тысячи точных локаций при наблюдении за перемещениями 44 тигров, данные о 27 выводках от 13 тигриц и сведения о гибели 24 радиомеченных тигров. Нигде в мире больше нет такой информации, ни по объему, ни по продолжительности исследований. Однако, признает Гудрич, если бы не солидная основа, заложенная учеными Сихотэ-Алинского заповедника, многие вопросы, связанные с экологией, поведением и тенденциями в популяции амурского тигра, остались бы без ответа. «У российских ученых феноменальный опыт полевых исследований и навыков! Хотя их подходу не хватает строгости в научной отработке гипотез, описательные данные, собранные российскими учеными в советское время, просто великолепны», - отмечает Гудрич. Он восхищается тем, что в каждом заповеднике есть свой научный отдел, который занимается многолетними научными исследованиями и наблюдениями за природой на своей территории. «Данные, собранные в течение многих лет российскими специалистами, дали нам возможность точно оценить изменения численности амурского тигра в разные годы».

Однако сейчас будущее науки в заповедниках и перспективы охраняемых территорий всерьез беспокоят Гудрича. «Самая большая проблема – это недостаток молодых российских ученых», - говорит он. «Основная часть научных сотрудников заповедника почти пенсионного возраста. Когда они уйдут, их важную работу практически некому будет продолжать». Достаточно хорошо финансируемые советским государством, ученые заповедников привыкли иметь средства, которые позволяли им вести научную работу и наблюдения по утвержденной в Москве программе. Работа в заповеднике была мечтой многих российских студентов-биологов. Каждое лето 30 студентов работали в Сихотэ-Алинском заповеднике, получая навыки, необходимые им в дальнейшей научной или природоохранной деятельности. Сегодня ситуация кардинально изменилась. С 1991 г. государство урезало бюджет заповедников на 80%. Зарплаты сократились до такого уровня (80 \$ в месяц), что сотрудники с трудом могли содержать себя и свои семьи. За прошедшие 10 лет в Сихотэ-Алинском заповеднике работали всего два студента. Местные жители шутят: «Работа в заповеднике – это не карьера, это диагноз». Однако сотрудники заповедника продолжают работать на чистом энтузиазме, веря в свою святую обязанность сохранить истинное сердце России для будущих поколений.

Осознавая тяжелое положение заповедников в России, международное сообщество откликнулось на проблему в середине 1990-х. Неправительственные организации (Общество сохранения диких животных, Всемирный Фонд дикой природы, Тихоокеанский центр защиты окружающей среды), различные агентства (Глобальный экологический фонд, Всемирный банк, Американское агентство международного развития), частные фонды (Фонд МакАртура и братьев Рокфеллеров) и многие другие выделили миллионы долларов и предоставили свой опыт для поддержки разрушающейся системы. По словам Анатолия Алексеевича Астафьева, директора Сихотэ-Алинского заповедника, с которым я встретился в его офисе в п. Терней, если бы не было международной поддержки, то битва с хорошо организованными браконьерами была бы проиграна. «У нас не было федеральных средств для покупки и ремонта оборудования, необходимого для преследования браконьеров – автомашин, лодок, радиостанций, боеприпасов и даже форменной одежды. Кроме этого, мы бы не смогли продолжать изучение и наблюдение за популяцией амурского тигра». К сожалению, сегодня многие международные организации направили свои усилия в другие регионы мира, в которых, по их мнению, ситуации еще хуже.

По словам В. Степаницкого, бывшего начальника Управления особо охраняемых природных территорий, на плаву заповедники удержала та база, которая была заложена в советское время, и движущая сила, возникшая в 1990-е годы. Но самыми главными факторами оказались неиссякаемый энтузиазм и преданность делу сотрудников, которые остались работать в заповедниках. Как долго они смогут продержаться в современных условиях – не известно.

Божественные вещи являются нам под разными масками, они всегда нужны, их редко ожидают и не сразу узнают. В этот сентябрьский вечер я, полный благоговения, иду по круглым, как блюдца, следам вдоль зарослей в сторону моря в пылающих лучах заходящего солнца. Следы уже старые, оставлены на бурой глине пару недель назад, когда сильные ливни превратили эту старую грунтовую дорогу на далеком берегу в поток грязи. Местные жители называют это место «Благодатное», и хотя причины этого мне не известны, я не могу не согласиться с ними. Следы самого большого живущего ныне

хищника на Земле превращают это место в священный край. Надежда для тигра остается такой же неопределенной, как и будущее заповеди сохранить уникальное природное наследство – сердце России.

Уроженец России, биолог Глеб Райгородецкий является менеджером программ Фонда Кристенсена в Пало-Альто, Калифорния.

Wildlife Conservation, май/июнь 2007

Фото А. Рыбина/WCS

Биолог Джон Гудрич, полевой координатор Проекта «Амурский тигр» Общества сохранения диких животных и Сихотэ-Алинского заповедника, надевает радиоошейник на 200-килограммового самца амурского тигра, пока Мелодии Роелке берет образцы крови для анализа на заболевания и генетических исследований.

Фото Д. Гудрича/WCS

Российский студент Роман Кожичев слушает сигналы радиомеченных тигров на берегу Японского моря в Сихотэ-Алинском заповеднике